

Фред Рюдель МБАНИ – магистрант образовательной программы «Прикладная лингвистика» института социальных и гуманитарных наук Тюменского государственного университета
Россия, г. Тюмень; e-mail: fredmbani6@gmail.com

УДК 008.2

Для цитирования: Мбани Ф.Р. Влияние цифровых технологий на международные отношения и дипломатию // Общество и государство. – 2024. – № 2 (46). – С. 59-69. – DOI: 10.24412/2224-9125-2024-2-59-69.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДИПЛОМАТИЮ

АННОТАЦИЯ

Данная работа рассматривает переход от традиционных дипломатических практик к современным методам, основанным на цифровых технологиях, в контексте глобального сдвига от «индустриального общества» к «информационному». Работа акцентирует внимание на концепции «цифровой дипломатии», которая может автоматизировать сложные переговоры и повысить безопасность коммуникаций, но также создаёт новые уязвимости киберугроз. Методологический подход исследования базируется на качественной методологии, что позволяет глубже понять субъективные аспекты цифровой дипломатии. В условиях стремительного технологического прогресса и последствий пандемии COVID-19 практика дипломатии претерпевает значительные изменения, подчеркивающие важность адаптации внешней политики к новым реалиям.

Ключевые слова: дипломатия, ИИ, внешняя политика, технологии, цифровые новые и прорывные технологии.

Fred Rudel MBANI – master student of the educational program «Applied Linguistics» of the Institute of Social and Human Sciences, Tyumen State University
Russia, Tyumen; e-mail: fredmbani6@gmail.com

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON INTERNATIONAL RELATIONS AND DIPLOMACY

ANNOTATION

This paper examines the transition from traditional economic economy practices to modern digitally enabled methods in the ninth global shift from the “industrial society” to the “information society”. The paper focuses on the concept of “digital diplomacy”, which can automate complex international relations and enhance communications security, and also creates new vulnerabilities to cyber threats. The methodological approach of the study is based on qualitative methodology, which allows for a deeper study of the subjective aspects of digital diplomacy. In the context of rapid technological progress and the consequences of the COVID-19 pandemic, the practice of diplomacy is undergoing significant changes, reinforcing the tendency of foreign policy towards new realities.

Keywords: digital diplomacy, technology, foreign policy, AI, emerging and disruptive technologies.

Мир переживает монументальный сдвиг, поскольку мы переходим от «индустриального общества» к «информационному обществу». Как отмечает Мануэль Кастельс, «движимый быстрым прогрессом информационных и коммуникационных технологий, он возвещает о фундаментальных изменениях не только во внешней политике, но и на всех уровнях человеческой жизни» [3]. Международные отношения были фундаментально преобразованы подавляющим влиянием цифровых технологий, распространением знаний,

социальным взаимодействием, экономической и социальной практикой, политическим участием, средствами массовой информации и т. д.

В этой работе рассматривается переход от традиционных дипломатических практик, которые полагались на прямое, личное взаимодействие и длительные коммуникации, к современному миру дипломатии, в котором цифровые инструменты являются просто незаменимыми. Как отмечает Брайан Хокинг, «эта трансформация характеризуется быстрым обменом информацией, благодаря

которому решения и дипломатические коммуникации, которые когда-то занимали недели, сегодня могут происходить в режиме реального времени на нескольких платформах» [2]. Эти площадки не только способствуют почти моментальному реагированию, но и позволяют более широко взаимодействовать с глобальной аудиторией, поскольку легко преодолевают географические и временные барьеры.

Такая трансформация подчеркивает сдвиг в сторону того, что называется «цифровой дипломатией». Новые технологии готовы еще больше изменить ландшафт международных отношений способами, которые сегодня трудно полностью прогнозировать. Как отмечает Джозеф Най, «эти технологии обладают потенциалом для автоматизации сложных дипломатических переговоров, повышения безопасности дипломатических коммуникаций и даже переопределения взаимодействия между государствами и негосударственными субъектами» [3]. Последствия таких достижений предполагают будущее, в котором дипломатия может быть усилена, но и более уязвима для киберугроз, что требует переоценки традиционных дипломатических протоколов и стратегий.

Поскольку целью настоящей статьи является исследование цифровой дипломатии, крайне важно определить методологический подход, который будет направлять эту работу. Учитывая сложную и многогранную природу цифровой дипломатии, качественная методология исследования считается наиболее подходящей. Такой подход позволит провести углубленное исследование явлений, сосредоточившись на понимании субъективного опыта, перспектив и контекстов, которые определяют цифровую дипломатию в современном мире.

Дипломатия и внешняя политика всегда существовали, продолжают существовать и, вероятно, останутся важнейшими аспектами государственного управления. Как отмечает Гарольд Никольсон, «первая принимает различные формы, такие как двусторонняя, многосторонняя и институциональная дипломатия, и это лишь некоторые из них» [4]. Традиционные учения говорят нам, что суть дипломатии заключается в прямом, личном взаимодействии с участием представителей, эмиссаров, посланников и т. п. Основные обязанности сотрудников дипломатических корпусов в зарубежье включают, среди многого прочего, представление своих государств, ведение переговоров, заключение торговых соглашений и посредничество в мирных договорах, с целью предотвращения конфликтов или их скорейшего разрешения, чтобы предотвратить эффект распространения в самом худшем случае, до глобального столкновения.

Стремительное развитие технологий в сочетании с глубоким влиянием пандемии COVID-19 кардинально изменили взаимодействие людей в расширяющемся цифровом пространстве, что привело к значительным изменениям и в практике дипломатии, и методах проведения (и формулирования) внешней политики.

Традиционная модель, в которой дипломатия была синонимом трудных путешествий, принимаемых дипломатами в дальние страны, и длительного ожидания посланников, преодолевающих большие расстояния, дошла почти до точки невозврата. Как отмечает исследователь, «введение в эпоху Средневековья послов-резидентов, постоянно находящихся при иностранных дворах, чтобы непрерывно отстаивать интересы своего суверена, действительно ознаменовало собой сдвиг». Понятно, что в рамках такой модели поддержание связи с родным государством было сложной задачей. Методы коммуникации при ясности задач посланников были по понятным причинам несколько ограниченными, часто оставляя представителя с полной автономией в плане принятия решений и ответственности за рассматриваемые вопросы, руководствуясь только широким мандатом.

Можно утверждать, что появление печатного станка вызвало значительную трансформацию, способствуя широкому распространению дипломатических документов и договоров, тем самым улучшая взаимопонимание. Введение телеграфа в 19 веке перенесло дипломатию и внешнюю политику в новую эру. Как отмечает исследователь, «телеграф сделал возможным практически мгновенное общение на огромных расстояниях: он значительно сократил время, необходимое для обмена дипломатическими сообщениями». Этот прорыв привел к более быстрым, более гибким дипломатическим переговорам, адаптируемым к быстро меняющейся динамике международных отношений. Эра телеграфа открыла эпоху энергичного дипломатического диалога, резко контрастирующую с предыдущей.

Телефон XX века принес мгновенность в дипломатическую коммуникацию. Он обеспечил более прямое взаимодействие между лидерами и дипломатами, ускорил принятие решений, стремительно содействуя переговорам в режиме реального времени в часы кризисов. А последующее влияние радио и телевидения ввело общественное измерение, напрямую вовлекая общественность в эти процессы. Более того, эти технологии не только произвели революцию в структуре дипломатии, но и послужили дипломатическим инструментом, как показано в статье «Техно-дипломатия холодной войны: продажа французского цветного телевидения Восточному блоку». Эта статья «иллюстрирует, как Франция стратегически использовала технологии, в частности, телевидение, в своей дипломатии холодной войны. Она показывает интеграцию Францией технологий в ее дипломатические маневры, слияние технического опыта, экономической стратегии и политической тактики».

Аналогичным образом, появление широко сегодня распространенных и доступных авиарелетов ознаменовало начало новой эры в дипломатических отношениях, характеризующейся повышенной мобильностью и оперативностью.

Возможность для дипломатов и лидеров быстро перемещаться через континенты изменила саму природу международного взаимодействия.

Перенесясь на два столетия вперед от эпохи телеграфа в наши дни, мы сталкиваемся с еще более поразительной и впечатляющей трансформацией – цифровой эпохой, которая определяется появлением Интернета (и не только). Эта эпоха принесла с собой некоторые самые глубокие изменения.

Интернет произвел революцию в доступности информации, открыв двери не только государственным субъектам, но и широкому кругу негосударственных субъектов, включая НПО, транснациональным корпорациям и даже отдельным лицам, чтобы поучаствовать на международном уровне в дипломатической сфере.

Как отмечает Б. Андерсон, «платформы социальных СМИ возникли как мощные инструменты публичной дипломатии, позволяющие правительствам напрямую взаимодействовать и влиять на аудиторию во всем мире, а также распространять сообщения и формировать общественное мнение».

Цифровые коммуникационные инструменты трансформировались в стандартную практику реального времени глобального взаимодействия, встраивая уровень зависимости от этой технологии, который часто остается незамеченным, в том числе в дипломатической практике. Эти инструменты дают возможность (и часто требуют) быстрой динамичной реакции на международные события.

Конечно, наступившая новая эра приносит набор проблем. Тогда как «традиционная» дипломатия была сосредоточена на безопасности посланников и, в частности послов, сегодняшние страхи связаны с киберугрозами/атаками, распространением дезинформации и реалиями вездесущего цифрового наблюдения.

Ситуация, в которой мы оказались, сложнее, чем когда-либо. Цифровой ландшафт находится в состоянии постоянного изменения. Влияние возникающих технологий выходит за рамки предсказуемых результатов, знаменуя собой важнейшую революцию в истории технологического развития. Глубокое влияние этой революции проистекает не просто из ее новизны, но и из ее роли, как новой сплоченной силы. Она плавно размывает различия между разрозненными технологиями, переплетая то, что когда-то воспринималось как абсолютно не связанное. Такое сближение порождает избыток инновационных технологий, которые превосходят традиционные классификации, вводя невиданные перспективы. Это создает совершенно новую парадигму для постижения взаимодействия между людьми и технологиями. Как будет такой неумолимый марш технологического прогресса продолжать трансформировать сферы дипломатии и внешней политики?

Ответить сложно, но не невозможно. В нынешней реальности традиционные дипломатические конференции уже дали возможность твитам, которые являются более эффективными, удобными и немедленными. Интернет представляет собой

динамичную арену информации и влияния, где «посольства больше не ограничиваются плащом и кинжалом» [5]. Вместо этого они активно публикуются и взаимодействуют с миллионами людей в Интернете. Им стало необходимо поддерживать свое присутствие: быть видимыми, увлекательными, привлекательными и уместными онлайн.

В книге «Интернет-дипломатия: Формирование Глобальной Политики из Киберпространства», отредактированной Мерием Марзуки и Андреа Кальдераро, можно найти «глубокое исследование роли Интернета в глобальной политике, и возникающая концепция «Интернет-дипломатии»» [5]. Эта книга представляет интернет-дипломатию как новую, всеобъемлющую структуру для различных глобальных цифровых практик, и стремится «углубить наше понимание влияния Интернета на традиционную дипломатию и мировое управление» [5].

На этом фоне внешняя политика – традиционно «искусство и наука управления отношениями между нациями» [6] – расширилась, чтобы включить «возникающие технологические области, такие как искусственный интеллект (ИИ), кибербезопасность и метавселенная» [7]. Это не просто модные слова; они стали «неотъемлемыми компонентами современного стратегического мышления в международных отношениях» [7]. Эта эволюция означает переход от «обычной дипломатической стратегии к более сложной парадигме, где технология играет центральную роль в формировании международной политики и взаимодействия» [7].

ИИ дипломатический суперсоветник, способный предлагать несколько вариантов принятия решений. И если ему представлять алгоритмы, которые смогут просеять огромные глобальные данные то ему по силам предвидеть политический переворот, предсказать экономический спад в ключевой стране-союзнике или существенное изменение взглядов населения на какую-нибудь горячую тему. Такие подсказки – золото для дипломатов и политиков, дающие возможность упреждающих действий и политика корректировки.

Тем не менее, возможности искусственного интеллекта не ограничиваются предсказаниями. Он «разрушает Вавилонскую башню в международной дипломатии». Представьте себе саммит ООН с высокими ставками, где дипломаты от вокруг мир общаются плавно, их слова немедленно и точно переведены ИИ. Эта технология «превосходит лингвистические барьеры, обеспечивая, что каждый нюансированная фраза в дипломатическом диалоге понята, как намеревалась». Более того, ИИ похож на «владельца шахматной игры в области дипломатической стратегии». Он может анализировать многогранные сценарии, учитывая многочисленные переменные, которые «человеческий разум может упускать из виду». Представьте себе, как искусственный интеллект моделирует сценарий мирных переговоров, предоставляя дипломатам и лицам, принимающим решения, ценную информацию о «вероятных результатах из других переговорных стратегий». Такое прогностическое

моделирование может оказаться «бесценным во время деликатных переговоров, обеспечивая ясность относительно красных линий, потенциала реакции и позиции противостоящей стороны».

По сути, ИИ превращается в «незаменимый инструмент дипломатии, охватывающий прогноз, перевод, и стратегическое планирование». Вне этих возможностей он «является возникающей, преобразующей и многогранной силой в более широкой сфере внешней политики, играя ключевую роль в политическом анализе и мониторинге международных обязательств».

Существование нескольких отчетливых концепций, таких как «цифровая дипломатия», «электронная дипломатия» и «Интернет-дипломатия», «отражает различные способы, которыми технология пересекается с международными отношениями и государственным управлением». Пока некоторые из них укоренились в использовании технологий, они различаются по фокусу, масштабу и иногда применению.

Для достижения концептуальной ясности, мы должны упомянуть, что «дипломатия» в настоящей работе понимается как «инструмент внешней политики, устоявшийся метод, с помощью которого государства артикулируют свои внешнеполитические цели и координируют свои усилия по влиянию на решения и поведение иностранных правительств и народов посредством диалога, переговоров и других таких мер, в отличие от войны и насилия».

Чаще всего цифровая дипломатия определяется как «стратегическое использование цифровых инструментов и платформ социальных сетей дипломатическими субъектами (например, правительствами, дипломатами и международными организациями) для проведения широкого спектра дипломатических мероприятий». Эта форма дипломатии включает в себя использование платформ, таких как Твиттер, Фейсбук и Инстаграм, для общения с политиками, привлечения иностранной общественности и управления имиджем и влиянием стран по всему миру. Ее начальный фокус лежит на коммуникации и публичном взаимодействии, использовании этих цифровых платформ для влияния на общественное мнение, участия в публичной дипломатии и содействия интерактивной коммуникации между государствами и аудиториями по всему миру.

Область применения цифровой дипломатии является обширной, охватывая различные аспекты дипломатии, включая публичную дипломатию, культурную дипломатию и кризисную коммуникацию, тем самым используя цифровые платформы для разнообразного спектра дипломатических целей.

Официальный документ «Цифровая Стратегия» от Иностранного и Содружественного Офиса Великобритании, обрисованный в 2012 году, подчеркивает «трансформирующее влияние цифровых инструментов на дипломатическую коммуникацию и формулировку политики». Эта стратегия признает эволюцию цифровых

технологий от существования «как коммуникационного инструмента» к становлению «активным игроком в иностранной политике», который улучшает политические решения и вносит вклад в достижение желаемых результатов. Стратегия ставит целью всестороннюю интеграцию цифровых инструментов в дипломатию, способствуя более открытой, эффективной и прозрачной работе в области внешней политики.

Книга «Цифровая дипломатия: теория и практика» под редакцией Корнелиу Бьолы и Маркуса Холмса является одной из первых, где подробно исследуется пересечение дипломатии и цифровых технологий. В ней рассматривается, как «цифровые платформы трансформируют дипломатическую практику, влияя на публичную дипломатию, международные переговоры и управление кризисами». Цифровая дипломатия в широком смысле определяется в ней как «использование социальных сетей в дипломатических целях», охватывая изменения в управлении информацией, публичной дипломатии, стратегическом планировании и международных переговорах. В тексте обсуждается, как цифровые технологии влияют на дипломатическую практику и трансформируют ее, выделяя как положительные, так и отрицательные аспекты. В работе подчеркивается важность понимания влияния цифровых технологий на современную дипломатию, включая роль социальных сетей в изменении основных дипломатических функций представительства, коммуникации и управления отношениями.

Манор и Сегев подчеркивают, что «цифровая дипломатия действует на двух различных уровнях: на уровне министерства иностранных дел и в сети посольств по всему миру». Это двойное действие на разных уровнях позволяет странам адаптировать свои внешнеполитические послания и усилия по национальному брендингу для удовлетворения уникальных характеристик местной аудитории, включая исторические, культурные, ценностные и традиционные аспекты. Такой подход способствует принятию внешней политики страны и имиджа, который она стремится продвигать.

В «Цифровой дипломатии и международных организациях: автономия, легитимность и оспаривание», под редакцией Корнелиу Бьолы и Рубена Заиотти в 2021 году, изучается адаптация международных организаций к цифровой эпохе с особым акцентом на социальные сети. Эта работа углубляется в цифровые измерения этих организаций, исследуя как их автономные операции, так и их легитимность на современной дипломатической арене. Она проливает свет на значительное влияние социальных сетей на автономию этих организаций. Она также исследует их воздействие на их легитимность, либо укрепляя ее, либо оспаривая.

Еще один автор, исследовавший эту тему, — Николас Уэсткотт. В работе «Цифровая дипломатия: влияние Интернета на международные отношения» он исследует, как «Интернет изменил международные отношения». Работа подчеркивает

влияние цифровой дипломатии на формулирование внешней политики, подчеркивая стратегическое использование Интернета и цифровых технологий для конкретных целей внешней политики. В ней подчеркивается, что «эволюция дипломатии в цифровую эпоху требует адаптации традиционных дипломатических методов к возможностям и вызовам цифрового ландшафта».

Хотя некоторые авторы, по-видимому, уверены в своем толковании понятия цифровой дипломатии, последняя остается предметом различных трактовок и определений, отражающих ее новизну. Рабочий документ Илана Манора 2018 года «Цифровизация дипломатии: к прояснению раздробленной терминологии» подчеркивает неадекватность существующих терминов, таких как «цифровая дипломатия» и «электронная дипломатия», которые не могут в полной мере охватить влияние цифровизации на дипломатическую практику. Он предлагает термин «цифровизация для дипломатии», который «охватывает нормативные, поведенческие, процессуальные и концептуальные изменения, порожденные цифровой технологией из сфер дипломатических аудиенций и практик». Этот концепция более систематическая и всеобъемлющая для понимания и исследования многогранного воздействия цифровизации на дипломатию.

Для некоторых цифровая дипломатия является ветвью публичной дипломатии, и, как отмечают Джейн Холл и Марк Рейнольдс, «включает в себя использование цифровых технологий и социальных медиа-платформ, таких как Твиттер, Фейсбук и Вейбо, для установления коммуникации с иностранной аудиторией обычно в не требующим больших затрат способом» [8]. В статье «Цифровая дипломатия в течение первых 100 дней: как министерства иностранных дел и министры стран ССЗ твитнули о блокаде», автор задокументировал, как министерства иностранных дел (МИД) и министры иностранных дел стран Совета сотрудничества стран Залива (ССЗ) использовали Твиттер в 2017 году, в течение первых 100 дней ССЗ-кризиса, чтобы продемонстрировать, как цифровая дипломатия применяется на практике.

Перспектива является характеристикой публичной дипломатии и раскрывает, как вышеупомянутые субъекты использовали цифровую дипломатию через Twitter для формирования общественного дискурса и внутренних и международных точек зрения относительно кризиса. Как отмечает Йован Курбаля, «цифровая дипломатия включает в себя использование цифровых технологий и социальных медиа для достижения дипломатических целей». Исследование анализирует содержание, частоту и язык (арабский и английский) твитов, чтобы понять, насколько отличаются страны в отстаивании их позиции на блокаде, с особым вниманием к различиям в их подходах.

Йован Курбаля предоставил подробный анализ цифровой дипломатии и ее различных аспектов на сайте Diplomacy.edu. В упомянутом анализе можно обнаружить, по его словам, «изобретательный,

вдохновленный Тетрисом визуальный метафор, который инкапсулирует сложности цифровой дипломатии». Он выделяет различные термины, такие как «виртуальный», «данные», «мета», «квант», «кибер» и «е-», как строительные блоки, представляющие различные аспекты цифровизации в дипломатических контекстах. Префиксы подразумевают специализированные области: «е-» часто относится к коммерции, тогда как «кибер» - к безопасности. Тем не менее, такая терминология может вызвать путаницу в разработке политики, приводящую к «парадоксу инклюзивности».

Автор далее утверждает, что трансформация дипломатии в цифровую означает, что происходит в трех основных областях:

1. Дипломатическое взаимодействие. Эта трансформация меняет фон дипломатического взаимодействия, с цифровыми технологиями, склонными к перераспределению власти в мировых делах, введению новых типов конфликтов и влиянию на концепции взаимозависимости и суверенитета.

2. Вопросы дипломатии, которые теперь включают расширенный набор тем, более 50 цифровых управленческих проблем, таких как кибербезопасность, конфиденциальность и искусственный интеллект.

3. Дипломатическая практика, которая включает в себя цифровые инструменты, такие как социальные медиа, виртуальные встречи и аналитические инструменты на основе больших данных и искусственного интеллекта.

Использование и применение таких привычных технологий, как электронная почта, социальные сети и видеоконференции, для дипломатической коммуникации знаменует собой заметное изменение в дипломатии. Как отмечает исследователь Б. Фарелл, «эти инструменты становятся стандартными и перестают восприниматься как новаторские или преобразующие, но их применение в дипломатии привело к более прямому, публичному и доступному подходу к международному взаимодействию» [9]. Этот сдвиг также ввел свежие проблемы, особенно в условиях безопасности, конфиденциальности и тонкостей, присущих дипломатическому общению.

Дипломатические архивы и обширные коллекции книг заполнены официальными письмами, официальной перепиской и многочисленными вербальными примечаниями, отправленными и полученными традиционными методами. «В прошлом дипломатические сообщения передавались в первую очередь через письма и, позже, через кабели или телеграммы». Эти методы требовали определенных навыков: для написания писем требовался хороший почерк, часто отражающий высокий социальный статус дипломатов. Отправка телеграмм требовала специальных знаний (иногда дефицитных) и доступа к телеграфным почтам. Постепенно эти практики стали стандартными, с письмами и телеграфными сообщениями, ставшими нормой дипломатического общения. Однако

постоянной обеспокоенностью в дипломатии была секретность и безопасность этих сообщений.

Со временем появление Интернета ввело электронную почту в сферу дипломатических отношений. «Их принятие было не немедленным, но сегодня электронные письма невероятно популярны до такой степени, что, если бы не соображения безопасности, каждый дипломат, вероятно, имел бы доступ к своей рабочей электронной почте на личном телефоне в любое время» [1]. Приход электронной почты существенно сократил расстояния, улучшил скорость и эффективность дипломатического обмена. Ожидания вокруг электронной почтовой коммуникации также развились, с «часто невысказанным правилом, что, если электронное письмо получено до полудня, на него нужно ответить в пределах того же рабочего дня до окончания офисных часов» [10].

Весь процесс переговоров, представительства и других ежедневных дипломатических действий теперь в значительной степени осуществляется с помощью электронных средств. Хотя этот сдвиг приносит многочисленные преимущества, такие как быстрые ответы, реальные связи и возможность передавать «тонкие» сообщения, он также облегчает несколько ключевых разработок для дипломатов. Во-первых, это делает легким связь с их родным правительством, тем самым продвигая общие интересы и решая вопросы близкой повестки дня. Во-вторых, это способствует цифровизации бюрократии, рационализации процессов и коммуникации. Но такой цифровой сдвиг открывает новые уязвимости, такие как риски взлома и утечки информации. Несмотря на то, что дипломатическая переписка защищена международным правом, «кибер-область часто остается незаконным пространством, представляющим уникальные проблемы для дипломатических операций» [1].

В дополнение к киберугрозам и атакам, зависимость от технологий в дипломатических коммуникациях представляет собой ряд других серьезных проблем. Необходимость в надежной и безопасной информационно-технологической инфраструктуре является ключевой. Это включает не только программное и аппаратное обеспечение, но также надежные кабели и безопасные сетевые соединения. Роль ИТ-специалистов становится все более критической; они отвечают за поддержание этих систем и обеспечение их безопасности. Внедрение расширенных методов аутентификации, систем шифрования, VPN и других безопасных коммуникационных методов становится необходимостью. Эти элементы коллективно образуют стеновой хребет безопасной цифровой дипломатической среды, защищая чувствительную информацию от потенциальных нарушений.

Интеграция этих технологических мер безопасности отражает развивающийся характер дипломатической безопасности в цифровую эпоху, где физическая и киберзащита должны быть в равной степени приоритетными. Чувствительность дипломатических коммуникаций, как обрисовано в

Венской конвенции, ставит уникальные задачи, особенно в эпоху, когда цифровые и традиционные методы сосуществуют. Кроме проблем киберугроз, технологическая инфраструктура и системы безопасной коммуникации сталкиваются с рядом других вопросов, которые не так часто рассматриваются в дипломатических сообщениях.

Одной из важных проблем является обучение и развитие навыков. Дипломаты теперь нуждаются в стандартном наборе навыков, который обязательно включает цифровую грамотность, осведомленность в вопросах кибербезопасности и умение пользоваться системами связи. Эти навыки являются существенными и должны постоянно развиваться и совершенствоваться.

Цифровая трансформация в дипломатических коммуникациях привела к ожиданию постоянной доступности, что существенно влияет на баланс работы и личной жизни дипломатов. Это ожидание возникает из природы коммуникационных платформ, где доступность является практически мгновенной и непрерывной. Например, давление быть всегда доступным и отзывчивым может привести к хроническому стрессу и выгоранию. Дипломаты могут чувствовать необходимость постоянно проверять и отвечать на электронные письма, сообщения и звонки, размывая границы между работой и личной жизнью. Это постоянное состояние бдительности может негативно сказаться на психическом здоровье и общем благополучии.

Более того, постоянное вовлечение может негативно сказаться на качестве принятия решений. Без достаточного времени для отдыха может возникнуть умственное утомление, что потенциально повлияет на критическое мышление и суждение, которые имеют решающее значение в дипломатических делах.

Переход на электронную почту в дипломатической коммуникации действительно привел к созданию определенных протоколов, отражающих уникальные требования этой сферы. Хотя некоторые из этих протоколов уже существуют и активно используются, их применение варьируется, особенно когда речь идет о содержании электронных писем и прикрепленных документах. Протоколы, разработанные для электронной почты в дипломатической области, часто подражают традиционным стандартам дипломатической переписки. Они включают руководящие принципы по языку, тону, формальному приветствию и подписанию, а также правила по конфиденциальности и защите данных.

Эти протоколы являются существенными для поддержания формальности и приличия, характерных для дипломатических обменов. Тем не менее, существует заметная разница в применении этих протоколов в основном теле электронного письма и прикрепленных документах. Во многих случаях формальности дипломатического протокола, такие как использование определенных шаблонов, формального языка и структурированных макетов, более строго соблюдаются в

прикрепленных документах. Эти вложения часто содержат официальную дипломатическую переписку, следуя традиционным форматам.

Напротив, само «тело» электронного письма не всегда может строго следовать этим формальным протоколам. Природа электронного письма как быстрой и прямой формы коммуникации часто ведет к более кратким и менее формальным взаимодействиям. Последние могут включать более простой язык и отход от традиционного, более церемониального формата дипломатических писем.

Это несоответствие между формальным характером вложений и потенциально более неформальным характером тел электронных писем является довольно сложным. С одной стороны, это позволяет для более эффективной коммуникации, соответствующей быстро развивающейся цифровой среде. С другой стороны, это поднимает вопросы о поддержании соответствующего уровня формальности и приличия в дипломатической переписке. Как отмечает исследователь в области дипломатии, «взаимодействия должны сохранять баланс между необходимостью быть доступными и соблюдением традиционных норм».

Социальные медиа представляют собой ещё одно развитие в области дипломатии, меняя парадигму от преимущественно закулисных усилий к более публичным и доступным взаимодействиям. До появления таких платформ, как Twitter и Facebook, дипломатическая деятельность была в значительной степени удалена от публичного глаза, с ограниченным доступом и участием. Широкая общественность обычно получала информацию об этих усилиях через пресс-конференции, если таковые имели место. Социальные медиа открыли новые каналы для публичной дипломатии. Эти платформы позволяют министерствам, посольствам и дипломатам взаимодействовать напрямую с общественностью, предлагая уровень прозрачности и взаимодействия, который ранее был трудно достижим. «Социальные медиа разрушили старое табу на секретность дипломатических отношений», — утверждает эксперт в области международных коммуникаций.

Этот новый уровень открытости демистифицирует дипломатический процесс, приглашая общественность к проверке и участию в том, что было ранее немислимо. Тем самым, это сокращает разрыв между дипломатическими учреждениями и гражданами, которых они представляют.

Кроме того, взаимодействия среди дипломатов теперь привлекают широкую аудиторию. Крупные международные события транслируются в прямом эфире и находятся под влиянием освещения в социальных сетях и динамики интернет-управляемого общества. Это явление хорошо проиллюстрировано на примере Мохамеда Буазизи в Тунисе. Буазизи, бывший студент университета, ставший уличным торговцем, стал знаковой фигурой после своего акта самосожжения, вызванного коррупцией и несправедливостью местных властей. Этот инцидент был передан и усилен через социальные сети,

привлекая внимание не только тунисской общественности, но и международного сообщества, включая дипломатов и иностранные правительства.

Широкое распространение истории Буазизи через платформы, такие как Facebook и Twitter, где значительная часть населения Туниса была активна, продемонстрировало мощную роль СМИ в формировании дипломатических повесток дня и международного ответа. Глобальная осведомленность и реакция на бедственное положение Буазизи и последующие тунисские протесты подчеркнули, как дипломатическое участие и решения международной политики все больше зависят от доступных данных в режиме реального времени. «Это выделяет необходимость для дипломатов быть настроенными на социальные медиа тенденции и общественное мнение как внутри страны, так и на международном уровне», — подчеркивает аналитик.

Быстрая мобилизация публичной поддержки и международного сочувствия, вызванная обширным и часто эмоциональным освещением в СМИ, привела к повышенному дипломатическому контролю и давлению на правительство Туниса.

Основная часть специализированной литературы фокусируется «или на двусторонней динамике общения, касающейся большей агентности для отдельных лиц в международных делах, или на влиянии социальных медиа на процессы публичной дипломатии, где политики стремятся влиять на иностранную общественность». С одной стороны, этот подход подчеркивает расширение прав и возможностей отдельных лиц, которые через такие платформы, как Twitter, Facebook и Instagram, могут участвовать в глобальных разговорах, оспаривать государственные нарративы и мобилизоваться вокруг транснациональных проблем, от изменения климата до прав человека. Как отмечает эксперт в области международных отношений, «демократизация международных отношений означает, что отдельные голоса могут быть столь же влиятельными, как традиционные дипломатические каналы в формировании государственной политики и восприятия иностранной публики и правительств».

С другой стороны, роль социальных сетей в публичной дипломатии представляет собой стратегический инструмент для политиков. С помощью этих платформ правительства могут обойти традиционные СМИ, напрямую взаимодействовать с иностранным населением и пытаться влиять на их восприятие и отношение к целям иностранной политики. «Это прямое взаимодействие позволяет использовать более тонкий и целенаправленный подход к дипломатии, где обмен сообщениями может быть адаптирован к специфической аудитории для достижения дипломатических целей», — подчеркивает аналитик.

Хотя социальные сети способствуют более активному участию общественности, пользоваться этим инструментом следует осторожно, поскольку он может как усилить, так и нанести ущерб репутации посольства или министра. Дипломатическим сущностям необходимо стратегически подходить

к использованию этих платформ, создавая сообщения, которые эффективно передают их политику и ценности.

На этих платформах имидж посольства или дипломата становится мощным инструментом представления. Это служит как виртуальный посол для публики, перевода дипломатические намерения и нарративы в форму, доступную и понятную. Однако подлинность этого представления может вызывать сомнения, поскольку природа социальных сетей позволяет проводить тщательно подобранные и контролируемые презентации. Как отмечает исследователь в области коммуникаций, «важно помнить, что в мире социальных медиа реальность может быть искажена ради создания определенного имиджа».

В некоторых книгах социальные сети представлены как важнейший элемент мягкой дипломатии. Они не только являются каналом для коммуникации, но также источником информации и средством формирования публичного восприятия. Дипломатические миссии используют эти платформы для выделения культурных, экономических и политических аспектов своих стран, таким образом содействуя лучшему пониманию и отношению с общественностью. Один из примеров — использование Китаем «Волк Воин» дипломатии в социальных медиа. Названная в честь популярной кинофраншизы, «Волк Воинская дипломатия» относится к агрессивному стилю дипломатии, принятому китайскими дипломатами, особенно в Twitter, несмотря на то что эта платформа запрещена в Китае. Как отмечает эксперт по международным отношениям, «агрессивный подход может эффективно мобилизовать националистические настроения внутри страны, но он также привлекает международную критику и вызывает вопросы о целесообразности такого стиля».

Эта стратегия подчеркивает сложности и риски, присущие цифровой дипломатии, акцентируя необходимость сбалансированного и стратегического использования социальных медиа для продвижения дипломатических целей без компрометации международных отношений. Среди этих проблем социальные сети должны сохранять подлинность, чтобы быть заслуживающими доверия и легитимности. Содержимое, которое делится, часто разрабатывается для создания конкретного впечатления, которое не всегда соответствует реальности. Поэтому дипломаты должны находить деликатный баланс между эффективным публичным взаимодействием и точным представлением своей миссии и политики.

Другой аспект социальных медиа заключается в том, что они создают набор ожиданий среди общественности относительно восприятия посольств и правительств. Например, размещение новостей посольства подвержено капризам алгоритмов социальных сетей, которые постоянно генерируют данные. Данные стали «золотом» в цифровую эпоху, особенно с приходом искусственного интеллекта, который процветает на огромных объемах

информации. Однако это имеет свои плюсы и минусы. Как подчеркивает аналитик данных, «в то время как данные могут усиливать взаимодействие и достигать широкой аудитории, они также могут стать обузой во время кризиса».

Когда речь идет о социальных медиа, нельзя забывать о таких технологиях, как большие данные и искусственный интеллект. Эти инструменты становятся все более важными для дипломатов, предлагая новые идеи и стратегии. Большие данные позволяют дипломатам и аналитикам международных отношений расшифровывать глобальные модели и тенденции. Анализируя огромные объемы данных из различных источников (таких как социальные медиа, новостные агентства, правительственные отчеты и др.), они могут получить всестороннюю картину международных событий. Это понимание помогает прогнозировать политические сдвиги, экономические изменения и социальные движения, что позволяет принимать более информированные и стратегические дипломатические решения.

Публичное мнение является критическим фактором в формировании дипломатических стратегий и политики. С помощью аналитики дипломаты могут отслеживать и понимать настроения и восприятие людей в определенном регионе. Это понимание особенно ценно для адаптации дипломатических сообщений, предсказания ответов на изменения политики и эффективного взаимодействия с другими культурами и обществами. Более того, дипломаты могут извлекать выгоду из использования аналитики данных для совершенствования своих коммуникационных стратегий. Понимая, что вызывает отклик у общественности, они могут создавать сообщения, которые более вероятно будут хорошо приняты, тем самым улучшая имидж своей страны и влияние на международной арене. Этот подход особенно актуален в рамках программ общественной дипломатии и культурного взаимодействия.

Алгоритмы искусственного интеллекта (ИИ) могут обрабатывать и анализировать большие наборы данных гораздо быстрее и точнее, чем люди. Эта способность является бесценной в дипломатическом контексте, где своевременная и точная информация имеет ключевое значение. ИИ может помогать в мониторинге глобальных новостей, социальных тенденций в СМИ и политических событий, предоставляя дипломатам информацию в режиме реального времени. Это, безусловно, полезно для повседневной работы посольств.

Однако использование больших данных и генеративного ИИ вызывает опасения относительно конфиденциальности, секретности и этических дилемм. Как отмечает специалист по этике технологий, «эффективность систем ИИ зависит от качества данных, на которых они обучаются». Пристрастные или неполные наборы данных могут привести к ошибочным и вводящим в заблуждение анализам, создавая значительные риски в дипломатических сценариях. Более того, те, кто отвечает за

развитие цифровых инструментов на основе ИИ, контролируют свое обучение и данные, которые им предоставляются. Это подчеркивает необходимость расстановки приоритетов в защите чувствительной дипломатической информации от угроз или неправомерного использования.

Как было отмечено, цифровые инструменты становятся неотъемлемой частью дипломатии. Это не конец истории, поскольку существует огромное множество новых технологий, ожидающих своего применения. В настоящее время некоторые из этих технологий являются предметом дебатов, в то время как другие уже были приняты различными странами. Технологическая гонка становится центром глобальной конкуренции, где преимущество получают те, кто может быстрее интегрировать инновации. Эта тенденция иллюстрируется назначением технических дипломатов — стратегическим шагом, признающим важнейшую роль технологий в современных дипломатических усилиях.

ИИ выделяется как наиболее обсуждаемая технология, которая повлияет на дипломатическую практику. Он может использоваться для анализа данных, прогнозирования геополитических изменений и управления кризисами, предлагая дипломатам и политикам необходимые инструменты для принятия более информированных решений.

Некоторые нации уже «усыновили» этот подход. Например, в 2015 году Государственный департамент США включил искусственный интеллект в процесс отбора кандидатов на дипломатическую службу, используя его для оценки эссе кандидатов и тщательного изучения их академического и профессионального опыта. Это нововведение было признано Государственным департаментом «наиболее значительной модификацией» его процедуры отбора с 1930 года.

Консульские услуги стали первыми в линии интеграции ИИ, так как они функционируют в соответствии с четко определенными и последовательными протоколами, которые упрощают процесс принятия решений за пределами чрезвычайных ситуаций. Использование чат-ботов и виртуальных помощников стало стандартной практикой в оформлении виз, постановке на консульский учет и предоставлении юридической помощи беженцам.

Поддержанные ИИ виртуальные консульства представляют собой решение, предназначенное для предоставления доступных, эффективных и безопасных средств для консульских услуг — всего в одном шаге. Оцифровывая услуги, виртуальные консульства могут обрабатывать запросы быстрее благодаря автоматизированным системам обработки запросов и приложений (например, Econsulat.go упростил процесс как для консульского персонала, так и для заявителей). Однако существуют ряд проблем, которые необходимо учитывать — такие как цифровое неравенство (не все пользователи имеют доступ к интернету и являются технологически грамотными), проблемы безопасности или сложные случаи, требующие человеческого

присутствия (например, чрезвычайные ситуации или сложные юридические вопросы).

Разработка управляемого ИИ для симуляций улучшает сценарное планирование, предоставляя дипломатам возможность предвидеть и подготовиться к потенциальным международным конфликтам и возможностям сотрудничества (например, в целях обучения). Однако, согласно исследованию «Размышления о практической помощи дипломатическим переговорам», ИИ также может усиливать дипломатические переговоры. Это иллюстрируется примерами, такими как немецко-австрийский таможенный союз и переговоры ООН по киберпреступности. Автор подчеркивает, что ИИ демонстрирует свою ценность в анализе данных, разработке сценариев и предсказании поведения сторон, особенно в контексте Генеральной Ассамблеи ООН. Применение ИИ охватывает широкий спектр задач — от анализа динамики переговоров до автоматизированного мониторинга СМИ, связанного с дипломатическими дискуссиями. Основным выводом заключается в том, что ИИ существенно помогает в дипломатической деятельности, но он должен служить поддержкой, а не заменой критической роли человеческого суждения в дипломатии.

Метавселенная — это коллективное виртуальное пространство, созданное в результате конвергенции виртуальной и дополненной реальности и Интернета — может оказать значительное влияние на область и практику дипломатии. Мир, существующий в метавселенной, предлагает возможности для различных видов деятельности, включая дипломатические встречи, переговоры, культурные обмены и глобальные форумы, проводимые полностью в виртуальной среде.

Одним из самых ранних примеров является создание виртуальных посольств. Например, в 2007 году Мальдивы и Швеция экспериментировали с виртуальными посольствами в Second Life, тогда популярном виртуальном мире. Эти пространства служили платформами для обмена информацией, предоставления услуг и продвижения туризма и культурного взаимопонимания. Хотя концепция развивалась, идея виртуального посольства в сегодняшней метавселенной может быть расширена до более интерактивных услуг, таких как консульская помощь в режиме реального времени и захватывающие культурные выставки. Более того, в 2011 году Соединенные Штаты запустили сайт «Виртуальное посольство», целью которого было прямое взаимодействие с иранским населением, несмотря на отсутствие формальных дипломатических отношений. Эта инициатива предоставила иранцам информацию о политике США и визовых приложениях, обходя правительственные цензуры и содействуя прямому диалогу. Однако иранское правительство быстро заблокировало доступ к сайту, что ограничило его влияние внутри страны.

Метавселенная представляет собой идеальное место для проведения международных конференций и саммитов, позволяя участникам

участвовать в обсуждениях, переговорах и нетворкинге без необходимости физически путешествовать. Например, Организация Объединенных Наций исследовала использование виртуальной реальности и других цифровых платформ для различных инициатив, включая виртуальные конференции по изменению климата и устойчивости. В романе «Сверхновая Эра» Лю Цысиня метавселенная становится ключевой платформой для принятия решений и управления среди молодежи. Они используют виртуальную реальность не только для развлечения и образования, но также для решения серьезных вопросов, таких как демократическое голосование и управление. Это отражает более широкие взгляды Лю Цысиня на роль технологий в формировании общественных структур и потенциал цифровых пространств для демократизации процессов и вовлечения граждан. Эти виртуальные инициативы могут способствовать инклюзивному участию, снижению углеродного следа, связанного с путешествиями, и использованию интерактивных инструментов для повышения понимания и сотрудничества.

Это приложение является особенно интересным в области дипломатии, где метавселенная имеет потенциал революционизировать подход к дипломатическим взаимодействиям. Традиционная дипломатия включает личные встречи, международные поездки и физическое присутствие на саммитах и конференциях. Хотя эти нормы и практики эффективны для построения отношений и содействия переговорам, они сопряжены со значительными логистическими проблемами и экологическими последствиями, связанными с путешествиями. Метавселенная, напротив, предлагает устойчивую и доступную альтернативу, которая может трансформировать дипломатические взаимодействия, например, через гибридные конференции и саммиты.

Расширяя эту параллель, метавселенная могла бы позволить дипломатам участвовать в реальном времени в обсуждениях, переговорах и двусторонних или многосторонних встречах в виртуальном пространстве, которое отражает динамику физических взаимодействий. Этот переход к виртуальной реальности может демократизировать дипломатический процесс, делая его более доступным для меньших стран или негосударственных акторов, у которых недостаточно ресурсов для обширных международных поездок. Это также может повысить инклюзивность, обеспечив более широкое участие различных заинтересованных сторон, что может способствовать более глубоким обсуждениям.

Более того, виртуальные симуляции могут быть использованы для упражнений по разрешению конфликтов, культурного обмена или для создания захватывающих впечатлений, которые помогут дипломатам понять сложные проблемы с разных точек зрения. Однако переход к «метавселенной на основе дипломатии» представляет собой ряд вызовов, включая обеспечение кибербезопасности,

управление цифровым разделением и поддержание нюансированного человеческого взаимодействия, которое является ключевым в любых дипломатических отношениях.

Выше было проведено исследование, посвященное анализу влияния цифровой дипломатии на традиционную иностранную политику и международные отношения. С учетом его стратегического значения, отмечается, что цифровые инструменты, такие как социальные сети и искусственный интеллект, позволяют государствам воздействовать на международные дела более прямым и динамичным образом.

Интеграция цифровых технологий в дипломатию представляет как проблемы, так и возможности. Среди проблем выделяются угрозы кибербезопасности, дезинформация и утрата нюансов в межличностном взаимодействии. Возможности включают улучшенное достижение разнообразных аудиторий и непосредственное взаимодействие. Эффективное использование цифровых инструментов требует обучения дипломатов цифровой грамотности, разработки надежных мер по кибербезопасности и формирования соответствующих коммуникационных стратегий для цифровой эпохи.

Цифровые платформы и элементы стали неотъемлемой частью международных отношений и дипломатии, предоставляя широкий спектр возможностей и вызывая ряд этических проблем, которые необходимо решать для поддержания доверия, уважения и целостности в мировых делах. Социальные сети и другие цифровые платформы позволяют правительствам взаимодействовать с зарубежной общественностью, формировать международное восприятие и укреплять мягкую силу.

Будущие исследования могут сосредоточиться на конкретных аспектах, выделенных в данной работе, и исследовать влияние искусственного интеллекта на принятие дипломатических решений и переговоров. Также важно обеспечить, чтобы решения, принимаемые на основе искусственного интеллекта, соответствовали стандартам прозрачности и отчетности.

Интересное направление для будущего исследования может составлять вопрос о том, как необходимо разрабатывать образовательные программы для улучшения цифровой грамотности и понимания дипломатами новых технологий. Это позволит провести количественный анализ для выявления конкретных потребностей и недостатков среди дипломатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гидденс, Э. *Последствия современности* / Эдуард Гидденс; пер. с англ. Г. К. Ольховикова; Д. А. Кибальчика; вступ. статья Т. А. Дмитриева. — М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. — 352 с.
2. Зонина, Т. В. *Компаративный анализ становле-*

- ния российской и европейской профессиональной дипломатической службы / Т. В. Зонова // *Российская дипломатия: история и современность : материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию создания Посольского приказа*, Москва, 29 октября 1999 года. — М. : Изд-во «Российская политическая энциклопедия», 2001. — С. 93-109.
3. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Мануэль Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. — Москва, 2000. — 606 с.
4. Киссинджер, Г. Дипломатия. — Нью-Йорк : Саймон и Шустер, 1994. — 912 с.
5. Киссинджер, Г. Мировой порядок. — М. : Издательство-АСТ, 2021. — 512 с.
6. Кузьмин, Д.В. Исторические особенности развития искусственного интеллекта / Д. И. Кузьмин // *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Ученые записки*. — 2022. — N 1. — С. 35-38.
7. Най, Дж. Будущее власти / Джозеф С. Най; пер. с англ. В. Н. Верченко. — М. : АСТ, 2013. — 444 с.
8. От моделей поведения к искусственному интеллекту / под ред. В. Г. Редько. — Изд. 2-е. — М. : URSS, 2010. — С. 441-443.
9. Фарелл, Б. Дипломатия в цифровую эпоху. Журнал международных отношений. — 2018. — 45(2). — С. 23-34.
10. Хокинг, Б. Дипломатия в цифровую эпоху. Международные отношения. — 2015. — 4(2). — С. 45-62.
11. Цифровые технологии в международных отношениях : сб. материалов IX международной студенческой научно-практической конференции, Екатеринбург, 30 ноября 2020 года. — Екатеринбург, 2020. — 179 с.
12. Hall, J., & Reynolds, M. *Digital Diplomacy*. In *The SAGE Handbook of Diplomacy*. SAGE Publications Ltd, 2014. — PP. 540-555.
13. Nicolson, H. *Diplomacy*. — London : Oxford University Press, 1950. — 247 p.
- A. Kibal'chicha; vstup. stat'ya T. A. Dmitrieva. — M.: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa «Praksis», 2011. — 352 s.
2. Zonova, T. V. *Komparativnyj analiz stanovleniya rossijskoj i evropejskoj professional'noj diplomaticheskoy sluzhby* / T. V. Zonova // *Rossijskaya diplomatiya: istoriya i sovremennost' : materialy naučno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 450-letiyu sozdaniya Posol'skogo prikaza*, Moskva, 29 oktyabrya 1999 goda. — M. : Izd-vo «Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya», 2001. — S. 93-109.
3. *Informacionnaya e'poxa: E'konomika, obshhestvo i kul'tura* / Manue'l' Kastel's; per. s angl. pod nauch. red. O.I. Shkaratana; Gos. un-t. Vy'ssh. shk. e'konomiki. — Moskva, 2000. — 606 s.
4. Kissindzher, G. *Diplomatiya*. — N'yu-Jork : Sajmon i Shuster, 1994. — 912 s.
5. Kissindzher, G. *Mirovoj poryadok*. — M. : Izdatel'stvo-AST, 2021. — 512 s.
6. Kuz'min, D.V. *Istoricheskie osobennosti razvitiya iskusstvennogo intellekta* / D. I. Kuz'min // *Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii. Ucheny'e zapiski*. — 2022. — N 1. — S. 35-38.
7. Naj, Dzh. *Budushhee vlasti* / Dzhozef S. Naj ; per. s angl. V. N. Verchenko. — M. : AST, 2013. — 444 s.
8. *Ot modelej povedeniya k iskusstvennomu intellektu* / pod red. V. G. Red'ko. — Izd. 2-e. — M. : URSS, 2010. — S. 441-443.
9. Farell, B. *Diplomatiya v cifrovuyu e'poxu. Zhurnal mezhdunarodny'x otnoshenij*. — 2018. — 45(2). — S. 23-34.
10. *Xoking, B. Diplomatiya v cifrovuyu e'poxu. Mezhdunarodny'e otnosheniya*. — 2015. — 4(2). — S. 45-62.
11. *Cifrovye texnologii v mezhdunarodny'x otnosheniyax : sb. materialov IX mezhdunarodnoj studencheskoj naučno-prakticheskoy konferencii, Ekaterinburg, 30 noyabrya 2020 goda*. — Ekaterinburg, 2020. — 179 s.
12. Hall, J., & Reynolds, M. *Digital Diplomacy*. In *The SAGE Handbook of Diplomacy*. SAGE Publications Ltd, 2014. — PP. 540-555.
13. Nicolson, H. *Diplomacy*. — London : Oxford University Press, 1950. — 247 p.

SPISOK LITERATURY:

1. Giddens, E'. *Posledstviya sovremennosti* / E'duard Giddens; per. s angl. G. K. Ol'xovikova; D.

